

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Устойчивое развитие экономики

РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ*

Дагмара Васильевна МАСЛОВА

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры экономики, менеджмента и финансов
Пятигорский государственный университет (ПГУ),
Пятигорск, Российская Федерация
dmaslowa@mail.ru
ORCID: отсутствует
SPIN-код: 8114-8510

История статьи:

Рег. № 622/2020
Получена 05.11.2020
Получена в
доработанном виде
10.11.2020
Одобрена 13.11.2020
Доступна онлайн
18.09.2023

Специальность: 5.2.3

УДК 332.1
JEL: C22, H30

Ключевые слова:

валовой региональный
продукт, экономическая
политика, экономическая
активность населения,
теневая экономика

Аннотация

Предмет. Экономическая эффективность, благосостояние населения.

Цели. Анализ влияния экономической активности граждан в существующей институциональной среде на социально-экономическое развитие мегарегионов.

Методология. В статье представлена авторская методика оценки социально-экономической динамики федеральных округов в период 2004–2018 гг., основанная на индексах, определяющих экономическую активность населения и результативность экономической политики государства.

Результаты. Показано снижение экономической активности населения и усиление зависимости благосостояния от социальной помощи со стороны государства.

Выводы. Необходима корректировка политики государства в направлении стимулирования экономической активности населения.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2020

Для цитирования: Маслова Д.В. Роль институциональных условий и экономической активности населения в социально-экономической динамике федеральных округов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2023. – Т. 19, № 9. – С. 1688 – 1712.
<https://doi.org/10.24891/ni.19.9.1688>

Введение

Благополучие граждан страны непосредственно зависит от наличных природных и производственных ресурсов, уровня развития экономики и современных государственных институтов. В научной литературе активизирована дискуссия о прогнозных возможностях институционального подхода к изучению экономической динамики [1, 2], однако, на наш взгляд, базовые положения теории, изложенные Д. Нормом [3], не теряют ни актуальности, ни прогнозной значимости.

Экономическое развитие достигается совместными усилиями населения, преследующего реализацию частных экономических интересов, и мерами государственного регулирования экономики, имеющими целью создание и поддержание оптимальных условий развития. Экономическая деятельность населения проявляется в двух основных формах: предпринимательства (бизнеса) и продажи своего труда (работы по найму). Государственное регулирование экономики реализуется главным образом посредством формирования финансовых потоков: восходящего (налоговых изъятий из экономики в бюджет) и нисходящих (бюджетных инвестиций и финансовой помощи регионам страны из федерального бюджета).

Затяжная стагнация, а в ряде случаев – рецессия многих регионов, отмечаемая Н. Зубаревич [4] и другими авторами [5], обуславливает поиск факторов, определяющих сложившееся положение, для обоснования мер, способных стимулировать экономику в условиях кризиса [6]. Целью настоящей работы является анализ социально-экономической динамики регионов России в зависимости от предпринимательской активности населения и качества экономических институтов.

Методика исследования

Оценить перспективы развития возможно только после определения текущего социально-экономического положения региона и анализа динамики показателей, его характеризующих. Среди таких показателей выделим характеристики экономической эффективности и характеристики институциональной эффективности.

На низкую эффективность региональной экономики, усиливающиеся кризисные тенденции указывают многие авторы [7, 8]. В экономических исследованиях основной характеристикой экономики регионов называют

^{*}Статья подготовлена по материалам журнала «Региональная экономика: теория и практика». 2020. Т. 18. Вып. 12.

номинальную величину валового регионального продукта (ВРП) и его динамику, основанную на годовых индексах прироста. При этом рост ВРП может быть обусловлен возрастанием затрат, инфляцией или иными факторами, формально увеличивающими добавленную стоимость.

Наиболее важным показателем, характеризующим эффективность экономики, является, на взгляд автора, сальдированный финансовый результат региона (СФР), то есть алгебраическая сумма прибылей и убытков всех экономических агентов, а также доля СФР в ВРП. Этот мезоэкономический показатель аналогичен показателю рентабельности в микроэкономике и оценивает эффективность использования производственных ресурсов региона в заданных институциональных условиях.

На экономическую эффективность существенно влияет конкурентоспособность экономики региона, которая может быть оценена на основе объема чистого экспорта, отнесенного к общей величине ВРП. Действительно, чем большая часть созданного продукта экспортируется за пределы региона, тем больший спрос на ее продукты существует за пределами данной территории, тем выше конкурентоспособность экономики. Экономическая активность населения проявляется в предпринимательской и инвестиционной деятельности, в меньшей степени – в работе по найму.

Наиболее важным показателем представляется величина предпринимательских доходов населения по сравнению с величиной ВРП. При этом в состав предпринимательских доходов, по нашему мнению, целесообразно включать не только собственно доходы от бизнеса и инвестиций, но и доходы теневой экономики. Дело в том, что в значительной мере деятельность в сфере теневой экономики (не криминальной, а лишь не зарегистрированной официально) является вынужденной, обусловленной несовершенством институтов, не стимулирующих переход к легальной экономической деятельности. Проблемы оценки теневой экономики изучаются многими исследователями¹ [9]; в данной работе автор использует собственные расчеты, опирающиеся на теоретические положения системы национальных счетов и структуру ВРП мегарегионов [10].

¹ Куклин А.А., Азарков Г.А. Теневая экономика региона: особенности проявления и методы диагностики // *Экономика региона*. 2005. № 1. С. 39–52.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-regiona-osobennosti-proyavleniya-i-metody-diagnostiki/viewer>

Инвестиционная составляющая выступает одним из основных факторов, определяющих экономическую эффективность [11]. Повышение роли частных инвестиций способствует снижению нагрузки на бюджет и стимулирует предпринимательскую активность населения. К характеристикам экономической активности населения региона, используемым в настоящем анализе, относятся:

- индекс финансового результата – отношение СФР к ВРП (*Prf*);
- индекс конкурентности – отношение чистого экспорта к ВРП (*Com*);
- индекс предпринимательской активности – отношение предпринимательских доходов к ВРП (*Buz*);
- индекс частных инвестиций – отношение частных инвестиций к ВРП (*Inv*).

Экономическая деятельность осуществляется в рамках сложившихся формальных и неформальных институтов, в значительной степени определяющих эффективность экономики. Формальные институты, определяющие условия экономического развития регионов, создаются государственной социально-экономической политикой, среди которых важнейшее место занимают налогово-бюджетные отношения [12, 13]. Налоговый пресс, то есть изъятие части финансовых ресурсов экономики в пользу государственного бюджета, сокращает текущие возможности экономического роста, одновременно формируя общий фонд будущего развития социума.

Наиболее общим подходом к оценке налогового пресса является определение отношения налогов, уплаченных в бюджет, к ВРП. На наш взгляд, при расчете этого показателя следует принимать во внимание не только собственно налоговые платежи, но и страховые взносы, уплачиваемые работодателями. Страховые взносы обладают основным признаком налога – являются индивидуально безвозмездными, то есть работодатель не получает встречного обязательства со стороны государства. Оценивать налоговый пресс целесообразно в сравнении не с общей величиной ВРП, а лишь с его легальной частью, так как экономические агенты, действующие в теневой сфере, не платят налоги.

Размер социальных выплат определяет зависимость населения от государственной помощи, и высокие значения этого показателя свидетельствуют об отсутствии условий активизации экономического поведения, дестимулировании усилий, направленных на повышение

собственного благосостояния. В настоящем исследовании характеристикой этой зависимости является отношение объема социальной помощи к ВРП.

Резкая дифференциация регионов России по уровню жизни, экономической эффективности показана еще в фундаментальной работе В.Н. Лексина и А.И. Швецова [14]. Нисходящие финансовые потоки, направляемые из федерального бюджета, призваны смягчить территориальные различия [15], однако результатом зачастую является перераспределение финансовых ресурсов в пользу регионов, привлекательных для инвестиций [16], в то время как устойчивость финансов «слабых» регионов снижается [17]. Существенная зависимость бюджета регионов от помощи федерального центра имеет негативные последствия: отсутствие стимулов к собственному развитию, замена мер стимулирования экономики усилиями, направленными на повышение размеров помощи со стороны федерального центра. Отношение величины федеральных трансфертов к ВРП характеризует степень финансовой зависимости региона.

Формальные институты призваны обеспечить условия экономического развития в легальной сфере, чтобы созданная добавленная стоимость оказывала позитивное влияние на благосостояние всего общества. Следовательно, размер теневой экономики характеризует качество формальных условий экономического развития. К характеристикам эффективности формальных институтов относятся:

- индекс налогового пресса, то есть отношение налогов и платежей к легальной части ВРП (*Tax*);
- индекс социальной зависимости населения региона – отношение объема социальных выплат к ВРП (*Soc*);
- индекс финансовой зависимости региона – отношение величины федеральных трансфертов к ВРП (*Fin*);
- индекс теневой экономики – доля теневого сектора в ВРП (*She*).

Общая оценка социально-экономического положения представлена в форме интегрального показателя, полученного сложением частных показателей. Перспективы экономического роста, на взгляд автора, базируются на стимулировании экономической активности населения, и поэтому индексы эффективности включены в расчет интегрального показателя со знаком «плюс», а показатели, характеризующие роль формальных институтов, – со знаком «минус». Действительно, в тактическом аспекте изъятие финансовых ресурсов налогоплательщиков в форме налогов и страховых

платежей представляется негативным фактором, затрудняющим финансирование расширенного воспроизводства. Зависимость населения от социальных выплат государства дестимулирует собственные усилия по повышению дохода. Аналогичным образом действует и высокая роль федеральных трансфертов в бюджете мегарегионов. Наконец, наличие теневой экономики свидетельствует о неудовлетворительных условиях хозяйствования, когда работа за пределами легального сектора для ряда хозяйствующих субъектов является предпочтительной.

Период исследования (2004–2018 гг.) разделен на три субпериода: рост до кризиса 2004–2008 гг.; восстановление до следующего кризиса 2009–2013 гг.; стагнация 2014–2018 гг. Объектом исследования выступают восемь федеральных округов. Информационным источником служат официальные данные Росстата.

Характеристика социально-экономической динамики федеральных округов

Крайняя дифференциация регионов страны по экономической эффективности и, как следствие, по уровню жизни населения сохраняется на протяжении последних двадцати лет. Меры государственной социально-экономической политики, направленные на выравнивание положения регионов, позволили значительно повысить уровень номинальных доходов населения, но не смогли обеспечить относительное равенство условий жизни в разных субъектах Российской Федерации.

В составе федеральных округов четко выделяются две подгруппы: с относительно высокими доходами на душу населения (589–865 тыс. руб. в 2018 г.) и с относительно низкими аналогичными показателями (190–402 тыс. руб. в 2018 г.). К первой группе принадлежат Уральский (УФО), Центральный (ЦФО), Дальневосточный (ДФО) и Северо-Западный (СЗФО) федеральные округа. К мегарегионам с низкой экономической эффективностью и невысокими доходами населения относятся Сибирский (СФО), Приволжский (ПФО), Южный (ЮФО) и Северо-Кавказский (СКФО) федеральные округа (*табл. 1*).

Несмотря на существенные различия в эффективности и уровне жизни населения, для всех федеральных округов отмечаются близкие тенденции развития. Показатель доли СФР в ВРП практически для всех федеральных округов демонстрирует снижение; в годовой динамике четко просматриваются три спада – в 2008–2009 гг., в 2014 и в 2017 гг. Наиболее глубокий спад эффективности в период первого кризиса характерен для

ЦФО, СФО и ПФО. Последующее восстановление не обеспечивает достижения показателей начала анализируемого периода, второй кризис вновь вызывает падение эффективности, и к 2019 г. все мегарегионы имеют показатели доли СФР в ВРП значительно ниже уровня 2004 г. (УФО, ЦФО) или близкие к нему. При этом заметно, что наибольшее падение эффективности наблюдается в мегарегионах, отличавшихся наилучшими показателями в начале анализируемого периода.

Показатель конкурентоспособности экономики региона (отношение чистого экспорта к ВРП) в целом снижается для большинства мегарегионов, и наибольшее падение отмечается для УФО и ПФО. Напротив, ДФО, СЗФО и ЮФО демонстрируют общий рост показателя при активной годовой динамике. В экономике ДФО чистый экспорт заметно растет в 2009–2012 гг., с дальнейшим падением и восстановлением, и к концу периода доля чистого экспорта в ВРП почти в 3 раза превышает показатель 2004 г. Более чем двукратный рост показателя отмечается и для ЮФО, хотя его величина в среднем выросла незначительно. Таким образом, темпы роста чистого экспорта не зависят от общего уровня экономического развития, а определяются структурой экономики, наличием ряда предприятий экспортных отраслей.

Общий показатель экономической активности населения для большинства регионов достаточно стабилен в период 2004–2013 гг. Доходы, обеспечиваемые предпринимательством в широком смысле, колеблются в пределах от 20% ВРП (УФО) до 50% ВРП (ЮФО). С 2014 г. доходы населения от самостоятельной деятельности существенно снижаются практически во всех мегарегионах, и к 2019 г. такие доходы оцениваются величинами от 10% ВРП (ДФО) до 30% ВРП (ЮФО). Исключение составляет СКФО: в период 2004–2009 гг. экономическая активность населения обеспечивает доходы в объеме 70% ВРП, а в период восстановления (после кризиса 2008 г.) предпринимательство в различных сферах, как в легальной, так и теневой, формирует доходы, достигающие 90% ВРП (2012 г.), с последующим снижением до 65% ВРП.

Общий показатель экономической активности населения структурно включает в себя три компонента: доходы бизнеса, доходы от собственности и теневые доходы. Динамика этих компонентов различна. Собственность приносит незначительный доход: для большинства федеральных округов такие доходы в начале не превышают 3–5% ВРП, а к концу периода снижаются до 1–2,5% ВРП. Из общего ряда выделяется показатель ЦФО,

где в 2004 г. доходы от собственности достигали 10–14% ВРП, а затем снизились до 4,5–5% ВРП.

Для всех мегарегионов в период 2004–2014 гг. теневые доходы значительно превышают бизнес-доходы, образованные в легальном секторе экономики, при этом показатель постепенно снижается с разной скоростью. Динамика различна для регионов первой группы (наиболее успешных в экономическом отношении) и регионов второй группы – отличающихся стагнацией или депрессией. В первой группе значение теневых доходов быстро снижается и в 2014–2018 гг. становится ниже бизнес-доходов в легальном секторе. В регионах второй группы снижение теневых доходов незначительно, и они везде продолжают существенно превышать легальные доходы. В СКФО, где населения обеспечивает доходы в объеме 70% ВРП, а в период уровень жизни самый низкий в стране, теневые доходы на протяжении всего периода превышают 50% ВРП, увеличиваясь до 60% ВРП в конце периода.

В целом сопоставление динамики легальных и теневых доходов показывает, что для всех регионов характерно снижение обоих показателей, причем падение теневых доходов не сопровождается ростом доходов от легального бизнеса. Это означает, что ресурсы, высвобождающиеся при сокращении доли теневой экономики, не «перетекают» в легальные доходы населения. Иными словами, снижение теневых доходов не увеличивает доходы предпринимателей, административные меры способствуют уменьшению нелегальной экономики, однако не стимулируют развитие ее легальных секторов.

Инвестиционная активность населения отличается наибольшей стабильностью из всех рассмотренных показателей. Ее существенный рост наблюдается для всех регионов в 2004–2008 гг. В дальнейшем показатель стабилизируется на уровне 2008 г., причем самые низкие значения (8–10% ВРП) характерны для наиболее успешных регионов, что, на наш взгляд, объясняется большими абсолютными значениями самого ВРП. Напротив, для СКФО показатель частных инвестиций наиболее высок (до 20% ВРП).

Рассмотрев характеристики экономической активности населения, обратимся к показателям, определяющим качество институциональной среды, в которой эта активность реализуется (табл. 2). Налоговые отношения, формирующие бюджетные доходы за счет изъятия части финансовых ресурсов экономических агентов, представляются важнейшим фактором, определяющим институциональную экономическую среду.

Показатель налогового пресса – отношение всех налоговых и социальных платежей территории к ВРП – существенно различается для мегарегионов страны. В большинстве федеральных округов налоговый пресс соответствует 30–50% ВРП, тогда как в УФО в течение всего периода он не опускается ниже 60% ВРП, возрастая к концу периода до 75% ВРП. Целесообразная доля налоговых изъятий коррелирует с эффективностью экономики [18], то есть при высокой добавленной стоимости и большей величине прибыли в ее составе возможные изъятия больше, чем в экономике убыточной, однако следует отметить очень высокий уровень налогового пресса.

Самое низкое значение налогового пресса отмечается для экономики СКФО (менее 30% ВРП), при этом даже такая величина изъятий формируется не столько налогами, доля которых не превышает 10% легального ВРП, сколько страховыми взносами, взимаемыми на фоне негативного или нулевого финансового результата. В целом для всех мегарегионов налоговый пресс относительно стабилен в 2004–2015 гг., а в дальнейшем фиксируется его некоторый рост.

Снижение предпринимательской активности логично приводит к росту зависимости уровня жизни населения от социальной помощи государства, при этом исследователи отмечают низкую эффективность социальной политики государства [19]. Для всех регионов показатель плавно растет с 2004 по 2010 г., в дальнейшем стабилизируется на достигнутом уровне, однако уровень зависимости различен. Для экономически наиболее успешных регионов показатель составляет 10–15% ВРП, причем наивысшие значения характерны для 2010–2013 гг. Для СФО, ПФО и ЮФО зависимость населения от социальной помощи составляет в среднем 15–18% ВРП региона, а в СКФО показатель достигает значений 28–30% ВРП.

Финансовая зависимость от трансфертов федерального бюджета для большинства регионов оценивается близкими показателями. Размер финансовой помощи федерального центра составляет 1–2,5% ВРП для УФО, ЦФО и СКФО; СФО и ПФО имеют несколько более высокие показатели (3–5% ВРП). Для ДФО и ЮФО финансовая зависимость достигает 5–6% ВРП. Наиболее высокий показатель финансовой зависимости, равно как и показатель зависимости социальной, приходится на СКФО: трансферты федерального бюджета бюджету мегарегиона в 2008–2009 гг. достигают 22–23% ВРП, а в дальнейшем снижаются до 13%

ВРП (2018 г.). При этом общей тенденцией для всех регионов, кроме СКФО, является стабилизация показателя с 2012–2013 гг.

Существенной характеристикой институциональной среды экономики выступает доля теневого сектора в составе ВРП. Динамика показателя в большинстве случаев имеет тенденцию к снижению; исключения составляют УФО, где доля теневого сектора даже несколько увеличивается к концу периода, а также ПФО, в экономике которого в 2008–2013 гг. нелегальная экономическая деятельность существенно снижается, но с 2014 г. начинает вновь расти и к 2019 г. достигает значений начала периода. В ЦФО, ДФО и СКФО показатель снижается в 1,5 раза за 15 лет исследуемого периода.

Кратко рассмотрев величину и динамику частных показателей, характеризующих экономическую (*табл. 1*) и институциональную (*табл. 2*) эффективность федеральных округов, обратимся к анализу интегральных индексов. Представленные на графике (*рис. 1*) годовые значения интегрального индекса экономической эффективности имеют общую тенденцию снижения показателя. «Провалы» 2008 и 2014 гг., характерные для большинства мегарегионов, сменяются некоторым восстановлением показателя, но в целом не достигают значений начала периода (2004 г.). Исключения составляют лишь СЗФО и СКФО, где в конце периода показатель приближается к начальным значениям.

Следует отметить нетипичную динамику показателя СКФО, для которого экономическая активность населения, оцененная интегральным индексом, максимальна. На первый взгляд, это странно – наиболее слабый в экономическом отношении регион выделяется высокой экономической активностью. Объяснение этому феномену находим в нашей оценке предпринимательской активности, по которой учтены не только легальные бизнес-доходы и доходы от собственности, но и доходы, полученные в теневой экономике.

В условиях низкого уровня жизни и высокой безработицы, особенно в национальных республиках Северного Кавказа, нулевой или отрицательной рентабельности легальной экономики население ищет и находит возможность получения дохода в теневом секторе. Указанный доход, согласно официальным данным Росстата, в некоторые годы соизмерим с показателем ВРП. При этом СКФО – единственный мегарегион страны, где доходы населения существенно превышают ВРП, что обеспечивается значительной социальной помощью со стороны федерального центра. Таким образом, высокий индекс экономической активности населения

обусловлен главным образом деятельностью в теневой сфере экономики СКФО.

Качество экономических институтов оценим интегральным индексом государственной экономической политики. В отличие от индекса экономической активности населения, здесь не наблюдается явных изменений показателя в течение всего анализируемого периода (рис. 2). В рассматриваемый период не происходило существенных изменений налогового законодательства (не считая колебаний ставки НДС в пределах 18–20%), налоговое бремя менялось незначительно для большинства регионов. Некоторое повышение (на 6–7 п.п.) характерно для СФО и ДФО, а снижение в среднем на 10 п.п. – для СКФО. Тем не менее, общая величина налогового бремени достаточно стабильна.

Напротив, для большинства мегарегионов отмечается заметное (в 1,3–1,8 раза) повышение зависимости доходов населения от социальной помощи государства. При этом наблюдается определенная негативная корреляция показателей доли теневой экономики в ВРП и зависимости доходов населения от социальной помощи государства. Особенно заметно это для ЦФО, СЗФО, СКФО и ДФО, где рост социальной зависимости сопровождается значительным снижением доли теневой экономики. Иными словами, уменьшение теневого сектора не приводит к «перетоку» ресурсов в сектор легальный. Население просто переориентируется с предпринимательской деятельности на получение социальной помощи.

Значения финансовой зависимости от помощи федерального центра существенно различаются как по величине, так и по динамике показателя. Для наиболее успешных в экономическом отношении ЦФО, СЗФО и УФО показатель не превышает 1–2% ВРП, для остальных колеблется в пределах 3–7% ВРП. Исключение составляет СКФО, для которого в начале периода финансовая помощь федерального центра достигала 20% ВРП, а к концу периода снизилась до 12–13% ВРП. Тенденция снижения показателя характерна для всех мегарегионов. Разнонаправленность изменений показателей, характеризующих институциональную среду экономической деятельности, привела к относительной стабильности интегрального показателя.

Объединение двух интегральных индексов позволяет оценить общие перспективы экономического развития при сохранении текущей экономической политики и экономической активности населения мегарегионов (рис. 3). Для большинства мегарегионов страны динамика совокупного показателя негативна, при этом наибольшее значение имеет

общее снижение экономической активности населения в условиях относительной стабильности институционального пространства.

Для ДФО и СЗФО совокупный показатель остается негативным в течение всего периода исследования, для большинства остальных мегарегионов падение до отрицательных величин начинается в 2011–2012 гг. и продолжается в настоящее время.

От общей тенденции заметно отклоняется СКФО – регион с низкими доходами населения, отрицательным общим финансовым результатом, высокой социальной и финансовой зависимостью от федерального бюджета и значительной долей теневого сектора в экономике. Несмотря на это, СКФО – единственный мегарегион, в котором экономическая активность населения (главным образом в теневой сфере) и созданные экономической политикой государства институциональные условия позволяют сохранить определенную социально-экономическую стабильность.

Выводы

Целью экономической политики государства должно являться создание таких институциональных условий, при которых в наибольшей степени активизируются экономические усилия граждан, обеспечивающих благосостояние (на основе располагаемых производственных ресурсов) и социально-экономическое развитие страны. Крайняя дифференциация федеральных округов и входящих в них регионов по уровню социально-экономического положения обуславливает сложную экономическую политику государства, направленную на определенное выравнивание региональных различий. Инструментами такой политики выступают, главным образом, два типа финансовых потоков: изымаемые из экономики региона в форме налогов и вливаемые в экономику посредством федеральных трансфертов и социальной помощи населению.

Реализация современной экономической политики не приводит к ощутимым результатам. Экономическая активность населения последовательно снижается в течение последних пятнадцати лет. Доходы, получаемые в начале периода за счет занятия собственным бизнесом, постепенно замещаются доходом от работы по найму и социальной помощью государства.

Уменьшение теневого сектора экономики не сопровождается перемещением производственных ресурсов в легальную экономическую деятельность.

Эффективность использования производственных ресурсов, как минимум, не увеличивается, а чаще всего снижается.

Существенная финансовая помощь со стороны федерального центра не обеспечивает сглаживания значительных различий в уровне жизни. Существующие институциональные условия в большей степени поощряют пассивное экономическое поведение, ориентированное на получение небольшого стабильного дохода без особых усилий и рисков. Такое поведение поддерживает определенный уровень жизни, но не дает возможностей для развития.

Преодолеть негативные тенденции в экономике регионов возможно только на основе резкой активизации экономической деятельности населения. Формирование институционального поля экономических отношений, стимулирующего экономическую активность, является, на наш взгляд, задачей государственной экономической политики.

Таблица 1

Усредненные показатели экономической активности населения (2004–2018 гг.)

Table 1

Average rates of the economic activity of the population in 2004–2018

Федеральный округ	2004–2008	
	<i>Prf</i>	<i>Con</i>
Уральский	0,23	0,35
Центральный	0,25	0,15
Дальневосточный	0,07	0,09
Северо-Западный	0,15	0,03
Сибирский	0,15	0,26
Приволжский	0,14	0,22
Южный	0,08	0,04
Северо-Кавказский	0,03	0,05

Продолжение

Федеральный округ	2004–2008	
	<i>Buz</i>	<i>Inv</i>
Уральский	0,2	0,15
Центральный	0,39	0,07
Дальневосточный	0,24	0,09
Северо-Западный	0,29	0,13
Сибирский	0,39	0,12
Приволжский	0,39	0,12
Южный	0,53	0,19
Северо-Кавказский	0,7	0,19

Продолжение

Федеральный округ	2009–2013	
	<i>Prf</i>	<i>Con</i>
Уральский	0,2	0,28
Центральный	0,2	0,08
Дальневосточный	0,05	0,18
Северо-Западный	0,14	-0,01
Сибирский	0,13	0,19
Приволжский	0,12	0,18
Южный	0,06	0,05
Северо-Кавказский	0	-0,01

Продолжение

Федеральный округ	2009–2013	
	<i>Buz</i>	<i>Inv</i>
Уральский	0,22	0,18
Центральный	0,36	0,08
Дальневосточный	0,23	0,18
Северо-Западный	0,23	0,12
Сибирский	0,29	0,16
Приволжский	0,42	0,15
Южный	0,51	0,22
Северо-Кавказский	0,92	0,21

Продолжение

Федеральный округ	2014–2018	
	<i>Prf</i>	<i>Con</i>
Уральский	0,17	0,13
Центральный	0,15	0,13
Дальневосточный	0,06	0,13
Северо-Западный	0,14	0,04
Сибирский	0,14	0,2
Приволжский	0,1	0,16
Южный	0,06	0,09
Северо-Кавказский	0,01	0

Продолжение

Федеральный округ	2014–2018	
	<i>Buz</i>	<i>Inv</i>
Уральский	0,1	0,16
Центральный	0,21	0,08
Дальневосточный	0,12	0,13
Северо-Западный	0,12	0,11
Сибирский	0,13	0,12
Приволжский	0,29	0,15
Южный	0,39	0,16
Северо-Кавказский	0,73	0,21

Источник: расчеты автора на основании данных Росстата*Source:* Authoring, based on the Rosstat data**Таблица 2****Усредненные показатели качества экономических институтов (2004–2018 гг.)****Table 2****Average rates of the quality of economic institutions in 2004–2018**

Федеральный округ	2004–2008	
	<i>Tax</i>	<i>Soc</i>
Уральский	0,66	0,05
Центральный	0,36	0,1
Дальневосточный	0,33	0,09
Северо-Западный	0,42	0,11
Сибирский	0,37	0,12
Приволжский	0,44	0,1
Южный	0,37	0,14
Северо-Кавказский	0,32	0,18

Продолжение

Федеральный округ	2004–2008	
	<i>Fin</i>	<i>She</i>
Уральский	0	0,3
Центральный	0,01	0,23
Дальневосточный	0,07	0,28
Северо-Западный	0,02	0,21
Сибирский	0,05	0,17
Приволжский	0,03	0,26
Южный	0,04	0,23
Северо-Кавказский	0,21	0,2

Продолжение

Федеральный округ	2009–2013	
	<i>Tax</i>	<i>Soc</i>
Уральский	0,6	0,09
Центральный	0,35	0,13
Дальневосточный	0,32	0,15
Северо-Западный	0,38	0,15
Сибирский	0,37	0,17
Приволжский	0,42	0,18
Южный	0,35	0,19
Северо-Кавказский	0,3	0,28

Продолжение

Федеральный округ	2009–2013	
	<i>Fin</i>	<i>She</i>
Уральский	0,02	0,25
Центральный	0,02	0,12
Дальневосточный	0,08	0,19
Северо-Западный	0,03	0,13
Сибирский	0,06	0,14
Приволжский	0,04	0,2
Южный	0,05	0,2
Северо-Кавказский	0,19	0,13

Продолжение

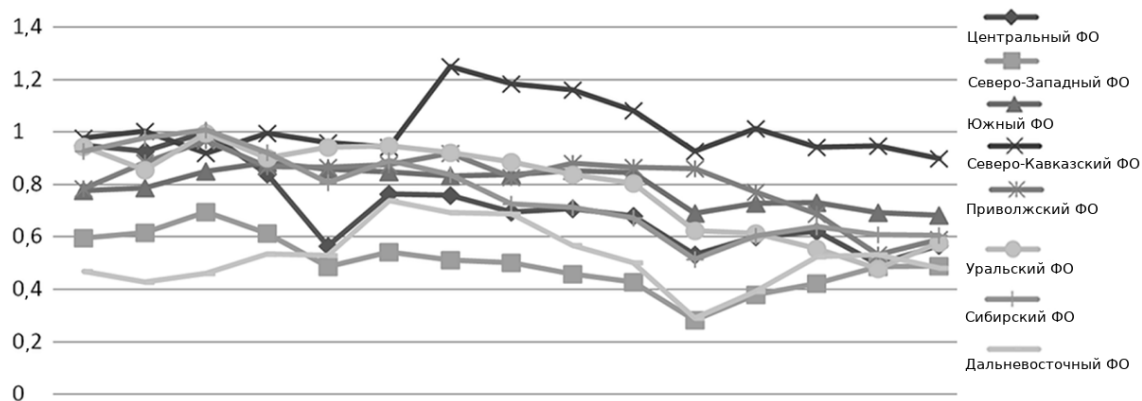
Федеральный округ	2014–2018	
	<i>Tax</i>	<i>Soc</i>
Уральский	0,68	0,09
Центральный	0,35	0,12
Дальневосточный	0,35	0,15
Северо-Западный	0,41	0,15
Сибирский	0,39	0,17
Приволжский	0,45	0,18
Южный	0,35	0,2
Северо-Кавказский	0,29	0,28

Продолжение

Федеральный округ	2014–2018	
	<i>Fin</i>	<i>She</i>
Уральский	0,01	0,31
Центральный	0,01	0,14
Дальневосточный	0,06	0,17
Северо-Западный	0,02	0,15
Сибирский	0,03	0,19
Приволжский	0,03	0,24
Южный	0,05	0,23
Северо-Кавказский	0,13	0,13

Источник: расчеты автора на основании данных Росстата

Source: Authoring, based on the Rosstat data

Рисунок 1**Динамика интегрального индекса экономической активности населения (2004–2018 гг.)****Figure 1****Changes in the composite index of economic activity of the population in 2004–2018**

Примечание. Слева направо на каждом графике представлены данные по годам рассматриваемого периода (2004–2018 гг.).

Источник: авторская разработка

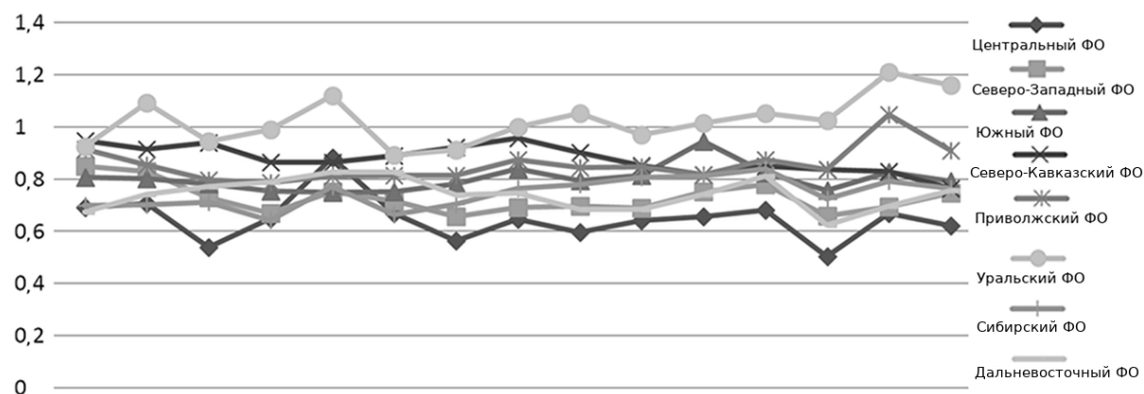
Source: Authoring

Рисунок 2

Динамика интегрального индекса институциональной эффективности (2004–2018 гг.)

Figure 2

Changes in the composite index of institutional efficiency in 2004–2018

Примечание. Слева направо на каждом графике представлены данные по годам рассматриваемого периода (2004–2018 гг.).

Источник: авторская разработка

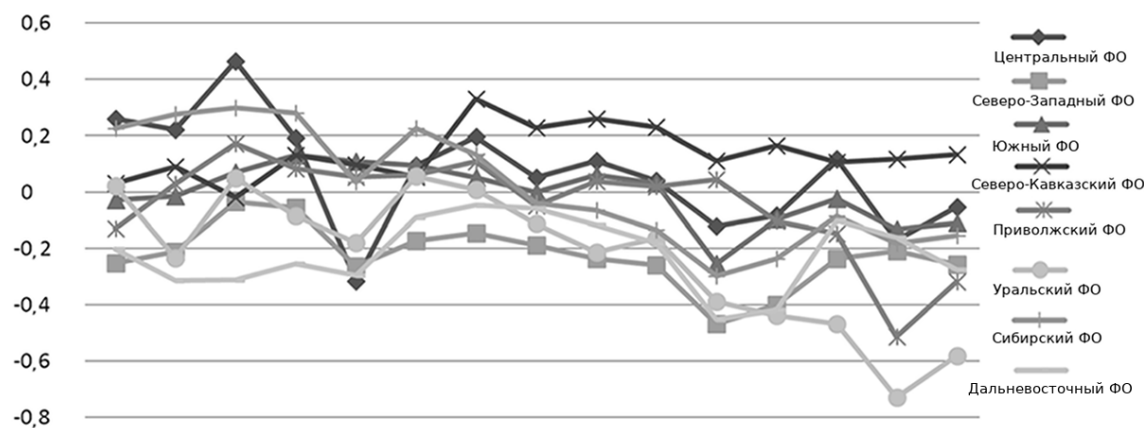
Source: Authoring

Рисунок 3

Динамика совокупного социально-экономического показателя (2004–2018 гг.)

Figure 3

Changes in the aggregate socioeconomic index in 2004–2018

Примечание. Слева направо на каждом графике представлены данные по годам рассматриваемого периода (2004–2018 гг.).

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическое развитие как смена качественно разных систем социально-экономических отношений: к критике «панинституционализма» и «идеационного» подхода // Вопросы экономики. 2019. № 10. С. 99–114.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-99-114>
2. Шаститко А.Е. «Институты имеют значение» vs. «только (формальные) институты имеют значение» // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 90–110. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-90-110>
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
4. Зубаревич Н.В. Региональная проекция нового российского кризиса // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 37–52.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-4-37-52>
5. Дасковский В.Б., Киселев В.Б. Нисходящая траектория экономики: причины и последствия // Экономист. 2016. № 3. С. 3–18.
URL: <http://www.niec.ru/Articles/Econ201603Dask.pdf>
6. Полбин А.В., Синельников-Мурылев С.Г., Трунин П.В. Экономический кризис 2020 г.: причины и меры по его преодолению и дальнейшему развитию России // Вопросы экономики. 2020. № 6. С. 5–21.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-6-5-21>
7. Замараев Б.А., Маршова Т.Н. Эффективность инвестиционного процесса воспроизводства // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 45–68.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-45-68>
8. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
9. Мурашев Я.В., Ратникова Т.А. Неучтенные доходы российских домашних хозяйств // Вопросы экономики. 2016. № 5. С. 99–126.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-5-99-126>
10. Маслова Д.В. Бюджетно-налоговый инструментарий экономической политики и социально-экономическая динамика регионов европейской

части России (2000–2014): монография. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2019. 318 с.

11. *Лимонов Л.Э., Несена М.В.* Оценка воздействия государственных инвестиционных программ на показатели социально-экономического развития территорий // *Вопросы экономики*. 2019. № 1. С.109–123. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-109-123>
12. *Гурвич Е.Т., Краснопеева Н.А.* Анализ взаимосвязи доходов и расходов российских региональных бюджетов // *Вопросы экономики*. 2020. № 2. С. 5–29. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-2-5-29>
13. *Маслова Д.В.* Влияние бюджетно-налоговой политики на социально-экономическое положение южных регионов России // *Финансы и кредит*. 2016. Т. 22. Вып. 37. С. 14–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-byudzhethno-nalogovoy-politiki-na-sotsialno-ekonomicheskoe-polozhenie-yuzhnyh-regionov-rossii/viewer>
14. *Лексин В.Н., Швецов А.И.* Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: URSS; Либроком, 2016. 366 с.
15. *Баранова К.К.* Бюджетный федерализм и местное самоуправление в Германии. М.: Дело и сервис, 2020. 235 с.
16. *Криничанский К.В., Фаткин А.В.* Анализ тенденций посткризисного развития финансовых систем российских регионов // *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. Т. 14. Вып. 10. С. 75–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-tendentsiy-postkrizisnogo-razvitiya-finansovyh-sistem-rossiyskih-regionov/viewer>
17. *Шеремета С.В.* Анализ региональных финансов России и устойчивость долга регионов // *Вопросы экономики*. 2020. № 2. С. 30–58. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-2-30-58>
18. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2007. 448 с.
19. *Савина Т.Н., Ерастова К.О., Лебедева О.Н.* Социальная политика: вызовы, возможности, перспективы // *Финансы и кредит*. 2019. Т. 25. Вып. 2. С. 426–442. URL: <https://doi.org/10.24891/fc.25.2.426>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Sustainable Development of Economy

THE ROLE OF INSTITUTIONAL CONDITIONS AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE POPULATION IN THE SOCIO-ECONOMIC DYNAMICS OF THE FEDERAL DISTRICTS

Dagmara V. MASLOVA

Pyatigorsk State University (PSU),
Pyatigorsk, Stavropol Krai, Russian Federation
dmaslowa@mail.ru
ORCID: not available

Article history:

Article No. 622/2020
Received 5 Nov 2020
Received in revised
form 10 Nov 2020
Accepted 13 Nov 2020
Available online
18 September 2023

JEL classification:

C22, H30

Keywords: gross
regional product,
economic policy,
economic activity,
population, shadow
economy

Abstract

Subject. This article deals with the issues related to the economic efficiency and well-being of the population.

Objectives. The article aims to analyze the impact of the economic activity of people in the existing institutional environment on the socio-economic development of megaregions.

Methods. The article uses indices that determine the public business activity and the effectiveness of the State's economic policy.

Results. The article presents an original methodology for assessing the socio-economic dynamics of federal districts between 2004 and 2018. The article points out the decline in business activity of the population and the increasing dependence of welfare on social assistance by the State.

Conclusions. The article concludes that it is necessary to adjust the public policy to encourage the business activity of people.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2020

Please cite this article as: Maslova D.V. The Role of Institutional Conditions and Economic Activity of the Population in the Socio-Economic Dynamics of the Federal Districts. *National Interests: Priorities and Security*, 2023, vol. 19, iss. 9, pp. 1688–1712.
<https://doi.org/10.24891/ni.19.9.1688>

Acknowledgments

The article was adapted from the *Regional Economics: Theory and Practice* journal, 2020, vol. 18, iss. 12.

References

1. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. [Economic development as a change of qualitatively different systems of social and economic relations: To a critique of “pan-institutionalism” and “ideational” approach].

- Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 10, pp. 99–114. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-99-114>
2. Shastitko A.E. [“Institutions do matter” vs. “only (formal) institutions matter”]. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 12, pp. 90–110. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-90-110>
 3. North D.C. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, Nachala Publ., 1997, 180 p.
 4. Zubarevich N.V. [Regional dimension of the new Russian crisis]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 4, pp. 37–52. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-4-37-52>
 5. Daskovskii V.B., Kiselev V.B. [The downward path of the economy: causes and consequences]. *Ekonomist = The Economist (Russian)*, 2016, no. 3, pp. 3–18. URL: <http://www.niec.ru/Articles/Econ201603Dask.pdf> (In Russ.)
 6. Polbin A.V., Sinelnikov-Murylev S.G., Trunin P.V. [The economic crisis of 2020: Reasons, policies to deal with and further development of the Russian economy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 6, pp. 5–21. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-6-5-21>
 7. Zamaraev B.A., Marshova T.N. [The effectiveness of the investment process of reproduction]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 5, pp. 45–68. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-45-68> (In Russ.)
 8. Zubarevich N.V. [Spatial development Strategy: Priorities and instruments]. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 1, pp. 135–145. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
 9. Murashov Ya., Ratnikova T. [Under-reported income of Russian households]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 5, pp. 99–126. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-5-99-126>
 10. Maslova D.V. *Byudzhethno-nalogovyi instrumentarii ekonomicheskoi politiki i sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika regionov evropeiskoi chasti Rossii (2000–2014): monografiya* [Budget and tax instruments of economic policy and the socio-economic dynamics of the regions of the European part of Russia (2000–2014): a monograph]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State University Publ., 2019, 318 p.

11. Limonov I.E., Nesena M.V. [Evaluation of the impact of public investment programs on social and economic performance of territories]. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 1, pp. 109–123. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-109-123>
12. Gurvich E.T., Krasnopeeveva N.A. [Analysis of tax-spend nexus for Russian regional budgets]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 2, pp. 5–29. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-2-5-29>
13. Maslova D.V. [The impact of fiscal policy on the socio-economic situation in southern regions of Russia]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2016, vol. 22, iss. 37, pp. 14–29.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-byudzhethno-nalogovoy-politiki-na-sotsialno-ekonomicheskoe-polozhenie-yuzhnyh-regionov-rossii/viewer> (In Russ.)
14. Leksin V.N., Shvetsov A.I. *Gosudarstvo i regiony. Teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya* [State and regions. Theory and practice of State regulation of territorial development]. Moscow, URSS, Librokom Publ., 2016, 366 p.
15. Baranova K.K. *Byudzhetni federalizm i mestnoe samoupravlenie v Germanii* [Budget federalism and local government in Germany]. Moscow, Delo i servis Publ., 2020, 235 p.
16. Krinichanskii K.V., Fat'kin A.V. [Financial systems of the Russian regions: An analysis of post-crisis development trends]. *Regional Economics: Theory and Practice = Regional Economics: Theory and Practice*, 2016, vol. 14, iss. 10, pp. 75–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-tendentsiy-postkrizisnogo-razvitiya-finansovyh-sistem-rossiyskih-regionov/viewer> (In Russ.)
17. Sheremeta S.V. [Russian regional finances analysis and regional debt sustainability]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 2, pp. 30–58. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-2-30-58>
18. Gaidar E.T. *Gibel' imperii: uroki dlya sovremennoi Rossii* [Collapse of the Empire: Lessons for contemporary Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, 448 p.
19. Savina T.N., Erastova K.O., Lebedeva O.N. [Social policy: Challenges, opportunities, outlook]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2019, vol. 25,

iss. 2, pp. 426–442. (In Russ.)

URL: <https://doi.org/10.24891/fc.25.2.426>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.